

В ТОТ зимний вечер Катя вышла с подружками пробежаться по тихим улицам села, поиграть в снежки. Палана засыпала. Ленивые дымки медленно ползли из темных труб. Радостно мигали звезды.

Девушки подошли к клубу и, удивленные, остановились: редко в столь позднее время бывал там свет. А тут еще звучала музыка... Девочки прилипли к стеклу, густо разукрашенному морозным бархатом, и усиленно задышали на него.

Не знала тогда семиклассница Катя Уркачан, что мир, постепенно проступающий там, за толстым замороженным стеклом, вскоре захватит ее и станет счастливейшей ее судьбой.

...Выстроились в ряд стулья. Люди рядом с ними. Ее знакомые — доярки, рабочие. Пел ба-ян — и они все как по команде, делали какие-то «транные» движения руками, ногами, головой... Молодой парень в черном свитере (Катя никогда его не видела) что-то с жаром говорил и сам проделывал при этом большие смешные движения, похожие на шаги великана.

Подружки так засмотрелись, что не заметили, как парень, который только что был в зале, тихонько подкрался к ним сзади да как закричит: «А, подсматриваете! Ну, раз топались, давайте сами попробуйте делать, что и они...»

— Нет, мы лучше пойдем, — испугались девочки. Но в клуб все же зашли.

Новый знакомый снял с них пальто, подвел к стульям и предложил: «Повторяйте движения за мной...»

То была первая для Кати проба себя в настоящем танце. После репетиции она не смогла идти в школу: все болело. Вечером снова зашли подружки: пошли в клуб!.. Катя категорически отрезала: «Ну, нет! Ни за что! Никогда!».

А вышло, что подружки-то со временем забросили репетиции, а Катя... Катя Уркачан благодаря этому парню в черном свитере научилась отлично танцевать и стала одной из первых солисток теперь уже известного корякского ансамбля «Мэнго».

КАК оказался молодой украинец, уроженец Полтавской области Саша Гиль в далеком северном краю? Что помогло ему понять и полюбить танцевальный язык коренных камчатцев?

Его биография легко вмещается на одном листке. Родился в 43-м году. Закончил двухгодичную музыкально-драматическую студию в Полтаве. Сезон работал солистом балета в полтавском театре, а летом 62-го уехал на целину. Там, в Целинограде, он организовал ансамбль песни и танца «Целинник» и в 1965 году когда по стране проходил смотр сельской художественной самодеятельности, дошел с ним до Москвы. Показывая на сцене Дворца съездов свой коллектив, Гиль впервые увидел танцы коряков.

Его поразили тогда «Чайки» (то был танец сугубо этнографический, танцевали его и девушки, женщины пожилые). В танце угадывались безбрежная даль моря, стремительная пляска волн, жалобные стоны птиц... Буйное

«Норгали» звучало резким контрастом первому номеру. Четкие удары бубнов будто призывали всех пуститься в пляс. Именно тогда Александр поймал себя на мысли, что хочет попробовать себя в этих танцах. Взять в руки бубен, размахнуться от души...

На следующее утро Гиль пришел в министерство, чтобы разузнать, откуда эти корякские артисты, где их увидеть. В приемной случайно познакомился с Николаем Егоровичем Мускатиневым, начальником областного управления культуры Камчатки. Гиль увлеченно расспрашивал руководителя камчатских артистов об их крае, климате, народностях полуострова. А Николай Егорович думал: не взят ли этого горячего парня на Камчатку? Дело в том, что после успешного выступления в Москве танцевально-хоровому коллективу окружного Дома культуры (так длинно он именовался в те времена) присвоили звание народного, и ему были положены три штатные твор-

Гиль объехал округ. Увидел самобытное народное искусство жителей самых глубинных национальных сел. В организации ансамбля ему помогли Георгий Порохов, Татьяна Лукашкина, искусствовед Маргарита Белова.

Близился областной смотр 67-го года. После московского триумфа, в Петропавловске ждали нового яркого показа самодеятельных сил округа.

И Гиль... задумал балет. Поначалу он даже боялся вслух произносить это слово. Он просто пригласил к себе Катю Уркачан (к тому времени она уже не заглядывала в окна клуба, а смело приходила на каждую репетицию), Женю Панкаринова, Бориса Жиркова, Бориса Авева и прочитал им свое либретто. То был рассказ о трудной жизни поработавшего народа, о злом богаче Иныле и красавице Айе. Гиль не сказал ребятам, что сам написал сценарий. Он просто спросил: «Сделаем?..» В ответ все закивали: «Да. Конечно, сдела-

ДВИЖЕНИЕ ДУШИ

Творческий портрет Александра Гиля

ческие единицы: хормейстер, балетмейстер и концертмейстер.

Гиль поехал в Палану. Начал работать в окружном Доме культуры. И, будучи по натуре еще и страстным охотником, крепко полюбил этот «оленный» край.

ТВОРЧЕСКУЮ деятельность в Палане Александр начал на украинский манер. Поставил «Казачью пляску», отрывок из «Свадьбы в Малиновке». Неплохо все получилось. Но в то же время молодой балетмейстер понимал, что необходимо всего сейчас и для тружеников Паланы, и для него самого попробовать силы в национальном, попытаться хотя бы уже широко известный танец «Норгали» перевести на более профессиональный язык.

Но Гиль не сразу берется за национальное. Нужно время, чтобы присмотреться, изучить особенности движений, мелодичности ритмов. Коряки — очень музыкальный народ. Очень много поют. Отлично владеют бубном. Содержательны и динамичны их праздники, дошедшие до нас с древних времен. И, что очень интересно, во многих своих проявлениях танцы и напевы коренных жителей тундры близки к окружающему их миру природы. Гиль понял это не из книги Крашенинникова а сам, просиживая часами на морском берегу, следя за движениями нерп. Отправляясь к оленеводам, он не только изучал условия их труда, но расспрашивал у стариков их легенды, сказки.

Одновременно шла большая работа по вовлечению в художественную самодеятельность сельской молодежи комсомольцев

ем». А Уркачан с присущей ей прямоотой сразу спросила: «А как?..»

Как... Александр Гиль и сам не знал, во что выльется его мечта. Он просто сразу начал работу. Распределил роли, стал искать сценические средства для точного решения образов.

Рассказывает Борис Жирков: «Александр Васильевич увлек нас своим замыслом. Возился с каждым, забывая о времени. Мы почти ничего не умели. Где нужен взгляд сердитый — мы смеемся. Отдельно рисунку начинаем вроде вырисовываться, пробуем эпизод в целом — никакой связи... Учить приходилось буквально всему...».

Да, балет — не танец. Для того, чтобы жестом, мимикой передать внутреннюю жизнь героев, добиться рельефного и убедительного пластического воплощения образа, нужно очень и очень много учиться: музыкальности жеста, общению с партнером, артистической свободе... «Жест есть не движение тела, а движение души», — часто повторял Гиль ребятам шалопинскую мысль. И старался упорно и честно пробовать в их танце это искреннее, страстное, поэтическое движение души.

Так начинал путь корякский танцевальный ансамбль, названный именем своего первого балета... Сегодня «Мэнго» известен миру. Ему аплодировали Монголия, Париж и посланцы X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Две недели назад мэновцы вернулись из солнечной Болгарии, а в декабре им предстоит концертное путешествие в Японию.

НО ПРЕМЬЕРЫ, гастроль — все это снова внешняя сторона жизни ансамбля. Внутренняя же жизнь — его люди, их настроения, планы. Характерно, что работа в ансамбле пробудила у многих мэновцев большое желание учиться. После двух лет занятий в «Мэнго» ушла из ансамбля и уехала учиться в Хабаровск Антонина Милгинкава. Солисты Аня Косыгина и Петр Яганов сейчас занимаются в областном музыкальном училище. Гиль очень хорошо понимает это стремление учиться и никогда не препятствует уходу ребят из ансамбля, хотя для «Мэнго» потеря каждого артиста весьма ощутима. Гиль и сам почти на год покидал ансамбль, занимаясь в Москве на высших режиссерских курсах при ГИТИСе. «Мэнго» до нынешнего года был самодеятельным коллективом, и то, что он не только учил, но и рождает в танцорах новую жажду знаний, — тоже его заметная заслуга. Сейчас заканчивается этап корякского ансамбля как самодеятельного. По решению Министерства культуры с первого января 1974 года «Мэнго» будет профессиональным ансамблем Камчатской областной филармонии. На горизонте — новая глава жизни корякских артистов. Еще большие заботы ложатся на художественного руководителя Александра Гиля.

Но все-таки нужно отметить, что успех последних лет, очень частые поездки не способствовали художественному росту ансамбля. В концертах мало новых номеров. Забылись балеты. Основную нагрузку в выступлениях мэновцев несли в последнее

время танец «Чайки» (который Гиль в соответствии с прежней этнографической основой художественно развил, придал черты законченной хореографической картины) и танец «Винвыпиль» (в переводе с корякского «тропиночка»). Есть у «Мэнго» ряд жанровых сценок типа «Ойя и медведь», шуточный танец «Ойя-ухажер». Но в общем репертуар ансамбля на сегодняшний день довольно мал.

Гиль понимает это. И наметил ряд любопытных новых задумок. Одна из них родилась в сентябре на Командорах, когда остропитяне знакомили гостей со своими владениями. Часа три просидели мэновцы на холодном ветру, наблюдая за повадками морских котиков на лежбище. Когда вернулись в Палану, Гиль предложил: «Попробуем изобразить сивучей, котиков?..» Танца еще нет. Но, видимо, можно надеяться на оригинальное решение этой темы.

Есть мысль поставить хореографическую зарисовку «Корякские сувениры». За основу будут взяты куклы Литвиновой... Планов много. Думается, ансамбль и в будущих работах продолжит свою основную мысль, за которую принимают и ценят «Мэнго» люди разных национальностей земного шара, — утверждение бытия, яркость, жизнерадостность свободной мирной жизни.

В. КРАВЧЕНКО, лауреат премии Камчатского комсомола.

НА СНИМКЕ: репетирует А. Гиль.

Фото автора.